

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ И ПРИЧИНЫ НАГОРНО-КАРАБАХСКОГО КОНФЛИКТА

Михаил Агаджанян

Нагорно-карабахскому конфликту посвящено достаточно много исследований современности. Начиная с момента актуализации точек противостояния во второй половине 1980-х гг. в этом традиционно этнополитическом конфликте XX века различные авторы обращались к теме нагорно-карабахского конфликта.

Несмотря на наличие большого количества научных публикаций в сфере этнополитической конфликтологии и менее значительного количества научных публикаций, посвященных нагорно-карабахскому конфликту, приходится констатировать незначительность системных научно-теоретических разработок в отношении проблематики защиты прав человека в конфликтный и постконфликтный периоды этнополитического противостояния. В отношении же непосредственно тематики нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека системная научно-теоретическая работа не проводилась ни зарубежными, ни армянскими или азербайджанскими авторами.

В статье делается попытка этнополитической идентификации нагорно-карабахского конфликта и выявления его политических, конституционно-правовых и социально-экономических причин. Целостность определения и анализа причин нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека, их рассмотрение в контексте нарушений прав человека политического, правового, социального и экономического характера способствуют более реальному пониманию источников конфликта и возможных путей их устранения.

1. Нагорно-карабахский конфликт – этнополитический конфликт

Распад СССР привел к широкомасштабным структурным сдвигам в сфере этнонациональных отношений. Системный кризис и начало центробежных процессов в конце 1980-х гг., вызванные противостоянием национальных республик и союзного центра, реанимировали застарелые противоречия этнонационального характера. Борьба некоторых республик против союзного центра в ряде случаев обернулась борьбой автономий против своих республиканских «метрополий». В сложнейший узел переплелись государственно-

правовые, территориальные, социально-экономические, геополитические и иные интересы.

Этнополитическим конфликтом второй половины 1980-х годов на территории еще существовавшего СССР стал нагорно-карабахский конфликт. В начальный период развертывания своей этнополитической специфики нагорно-карабахский конфликт принял форму национального движения армянского народа Нагорно-Карабахской автономной области (НКАО) за выход из состава Азербайджанской ССР (АзербССР) и включение автономии в состав Армянской ССР (АрмССР). Четкая этническая выраженность нагорно-карабахского конфликта присутствовала уже на данном начальном этапе конфликтного противостояния сторон. Последние стали позиционировать противоположность своих интересов именно в терминах этнического противопоставления себя другой стороне конфликта. Таким образом, в нагорно-карабахском конфликте сразу возникла линия этнического противостояния сторон, которые придавали этническому признаку свойство идентифицирующего характера: *«армяне и азербайджанцы – противоборствующие стороны»*. Естественная оппозиция «мы-они», характерная для менталитета соседствующих этнических групп, обострилась на почве этнического конфликтного противостояния. Возникла некая ситуация, о которой исследователи говорят как о ситуации, когда *«политика придает смысл национальности, и в частности политика именования»*¹.

В качестве главных действующих лиц выступили этнические общности. Стороны конфликта стали восприниматься как этносы, имеющие свои интересы и действующие как единое целое. Этому способствовало, помимо прочего, создание уже тогда определенного информационного поля нагорно-карабахского конфликта, формируемого в тот период усилиями центрального советского руководства, однозначно незаинтересованного в придании конфликту политического оттенка. В информационном поле нагорно-карабахского конфликта стала определяющей этническая составляющая противоположности интересов сторон, причем центральные власти Союза ССР целенаправленно формировали сепаратистский образ национального движения армянского народа Нагорного Карабаха, с помощью которого необходимо было подчеркнуть «экстремистский» характер движения, не опирающего-

¹«Как только это происходит, мы уже не в силах избежать возможной ситуации, когда само армянство может стать причиной лишения *«всех прав»*, когда гражданские права в отношении этой отдельной национальности загадочным образом прекращают свое действие. Например, в тот момент, когда возникает столкновение в Нагорном Карабахе, армянин в Азербайджане оказывается «по ту сторону», т.е. сразу в лагере противника, его гражданские права моментально претерпевают радикальные изменения. То же можно сказать и об азербайджанце в Армении» (Язык и этнический конфликт (под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенова), М., «Гендальф», 2001, сс. 21-22).

ся на широкую поддержку всего этноса – инициатора национального движения. Таким образом, центральные власти старались всячески дистанцировать конфликт от его политической составляющей и представлять его в терминах «национально-экстремистской борьбы определенных групп населения». В этом контексте следует рассматривать противопоставление двух принципиальных подходов в нагорно-карабахском конфликте образца 1980-х годов: «обеспечение политической стабильности» (позиция центрального (СССР) и республиканского (АзербССР) и «обеспечение и защита прав и свобод государствообразующей нации и ее конкретных представителей» (армянский народ Нагорного Карабаха и в целом АзербССР).

Необходимо отметить, что первоначальными сторонами конфликта стали этнос – инициатор выхода из состава инациональной союзной республики (армянский народ Нагорного Карабаха), и политическое руководство инациональной союзной республики, воспрепятствовавшее реализации права на такой выход. Отсюда, уже в начальный период нагорно-карабахский конфликт стал не только этническим конфликтом, но и политическим, включившим в свое конфликтное поле политических субъектов противостояния. С нашей точки зрения, нагорно-карабахский конфликт с самого начала своей активной противоборствующей реанимации в середине 1980-х годов¹, стал в первую очередь политическим конфликтом, суть которого состояла в том, что одна из государствообразующих наций союзной республики (АзербССР), обладавшая в рамках данной республики своей собственной национально-административной автономией, пожелала выйти из ее состава и примкнуть к другой союзной республике (АрмССР). Последняя не могла остаться в данной ситуации нейтральной стороной и, учитывая, что национальное движение армянского народа Нагорного Карабаха обратилось к республиканскому руководству АрмССР с просьбой о включении НКАО в состав республики, Армянская ССР в лице своего политического руководства стала еще одним политическим субъектом нагорно-карабахского конфликта.

Когда мы говорим о национальном движении армянского народа Нагорного Карабаха, то необходимо выделить так называемый политологический подход к выявлению идентифицирующих признаков этнополитического конфликта. Политологический подход нацелен на выявление институциональных оснований и мобилизирующих средств агрегирования и актуализации, придания объективации национальным стремлениям этноса, выдвигающего

¹ «Нынешний конфликт есть продолжение спора 1918-1920-х гг. между армянами и тюрками (азербайджанцами) Восточного Закавказья – двумя основными этнофакторами края – вокруг национально-государственного устройства Восточного Закавказья». (А.С. Манасян, Карабахский конфликт: ключевые понятия и хроника, Ер., «НОФ Нораванк», 2005, с. 27).

политические требования. В самом начале нагорно-карабахского конфликта требования этноса-инициатора пересмотра своего политического пребывания в составе АзербССР – стали объективироваться с помощью представителей национального движения, позиционировавших себя в качестве националистически настроенных лиц, перспективных представителей будущих элитных групп. Со стороны армянского национального движения это были, прежде всего, представители интеллектуальных кругов, пришедшие в дальнейшем к политической власти именно «на волне» национального движения карабахских армян. Они сыграли свою роль в качестве политических мобилизаторов этнических чувств национального армянского движения Нагорного Карабаха и в целом армянского национального движения за независимость и обладание собственной суверенной национальной государственности. Произошла определенная идеологическая консолидация членов конфликтующих общностей вокруг тех национальных целей, которые были противопоставлены друг другу в этнических и политических терминах.

Этнополитическая сущность нагорно-карабахского конфликта проявляется и в значительной представленности в нем различных политических идеологем противоборствующих этносов. В этом ракурсе нагорно-карабахский этнополитический конфликт можно характеризовать как «конфликт идей». Характерными чертами таких конфликтов (или их стадий) является выдвигание тех или иных притязаний. В литературе, средствах массовой информации обосновывается «историческое право» на государственность, на территорию. В ходе национальных движений разрабатываются основные идеологемы, политическая мобилизация вокруг которых есть уже проявление конфликта [1].

По мнению А.Смита, в регионах, где сталкиваются противоположные интерпретации этнической родины, конфликты интересов превращаются в идеологизированную конфронтацию, например в Палестине, Кашмире, Нагорном Карабахе [2].

С нашей точки зрения, указанный выше политологический подход к идентификации основных признаков этнополитического конфликта, рассмотренный в свое время российским исследователем А.Г.Здравомысловым [3], относим и к реалиям нагорно-карабахского конфликта в начальный период реанимации этнополитического противоборства сторон. В нагорно-карабахском конфликте доминирующую роль играла политика, хотя на первых этапах развертывания конфликтного потенциала, во второй половине 1980-х гг., политическая составляющая конфликта была затемнена его этнической составляющей. В центре проблемы нагорно-карабахского конфликта

всегда присутствовал и продолжает присутствовать вопрос о власти. Если на первом этапе конфликта указанный вопрос власти принял форму борьбы старых и новых элит, причем отличительной особенностью последних выступало то, что они были более склонны к радикализации националистических лозунгов, то на последующих этапах нагорно-карабахского конфликта (вплоть до сегодняшнего дня) пришедшие на смену старым новые национальные элиты озабочены сохранением своей политической власти и ее дистанцированием от влияния неразрешенного конфликта.

Напомним, что под влиянием политических требований армян НКАО в феврале 1988г. в Армении возник организационный комитет воссоединения «Карабах», куда вошли видные представители творческой и научной интеллигенции. Деятельность комитета была направлена на актуализацию в обществе требований карабахских армян по вопросу передачи НКАО в состав Армянской ССР. Под патронажем комитета «Карабах» в Ереване были организованы массовые митинги в поддержку карабахского движения, при этом численность митингующих доходила до миллиона человек. Летом 1988г. имели место столкновения между демонстрантами и частями Советской Армии, введенными на территорию Армении для нейтрализации политического кризиса. В дальнейшем политическая структура комитета «Карабах» во главе с одним из видных его представителей Л.Тер-Петросяном трансформировалась в *Армянское общенациональное движение* (АОД). Осенью 1990г. под лозунгом поддержки армян Нагорного Карабаха Л.Тер-Петросян выиграл всеобщие президентские выборы, что способствовало приходу во все властные структуры представителей АОД. Немаловажную роль в карабахском движении сыграла и возрожденная *Армянская революционная федерация «Дашнакцутюн»* (АРФД), которая оказывала политическую и экономическую помощь карабахским армянам, используя ресурсы армянской Диаспоры.

Политическая сущность нагорно-карабахского конфликта была связана с тем, что сам конфликт стал «детонатором» пересмотра не только республиканского конституционно-правового строя и административно-территориального деления, но и явился определенным паттерном для последовавших за ним других этнополитических конфликтов на территории Союза ССР. Государствообразующий этнос Азербайджанской ССР в лице армянского народа Нагорного Карабаха стал инициатором пересмотра политического статуса своего пребывания в составе многонациональной республики¹.

¹ Многонациональное государство можно типологизировать как государство с внутренней этнотерриториальной структурой, с элементами национальной государственности у населяющих его народов. Когда же речь идет о государстве без таковой структуры, используется термин «полиэтническое государство» (См. С.А. Романенко, Типология процессов национального самоопределения // «Общественные науки и современность», М., 1999, № 2).

Значительный пласт территориальной проблематики нагорно-карабахского конфликта дает основания многим исследователям рассматривать данный конфликт с преимущественных позиций этнотерриториального дискурса. Так, А.Нерсисян пишет, что к типу территориальных конфликтов, связанных с воссоединением раздробленных в прошлом этносов, можно отнести нагорно-карабахский конфликт. Их источник – внутривнутриполитические, а нередко и вооруженные столкновения между правительством и национально-освободительным движением или той или иной ирреддистской и сепаратистской группировкой, пользующейся политической и военной поддержкой соседнего государства [4].

Территориальная проблематика нагорно-карабахского конфликта не может рассматриваться в качестве первоначального идентифицирующего признака конфликта. Вопрос территорий – это не определяющий вопрос в конфликтной проблематике Нагорного Карабаха, он выражает одну из политико-правовых граней притязаний сторон конфликта и должен рассматриваться как второстепенный идентификатор конфликта, получивший свою особую актуализацию на нынешнем этапе усилий сторон по урегулированию конфликта. Уже на первом этапе своей активизации во второй половине 1980-х гг. нагорно-карабахский конфликт хотя и был тесно связан с территориальным аспектом выдвижения требований армянского народа Нагорного Карабаха (отсоединение от АзербСССР и присоединение к АрмССР), однако носил более концептуальный политико-правовой характер, производный от общего вопроса нарушения прав армянского этноса на территории республики. Вопрос территорий на нынешнем этапе необходимо рассматривать в тесной связи с последствиями конфликта, а не его причинами, что лишнее свидетельствует о производности данного вопроса, но не о его определяющей идентификационной сущности. Сам А.Нерсисян отмечает, что конфликт в Нагорном Карабахе, явился результатом целого комплекса этнических, территориальных, политических, экономических и, в известной мере, религиозных противоречий.

Азербайджанские авторы отмечают, что *«нагорно-карабахский конфликт менее всего можно обозначить как территориальный: это идеологический, геополитический, если хотите, ментальный конфликт. Он напоминает дерево, растущее наоборот – сверху вниз: его корни находятся в нас, в сегодняшних реалиях, и лишь ветви уходят в прошлое, в историю. Корни – это политические интересы, борьба за власть, жесточайший конфликт между старым мышлением и новым подходами к государственно-правовым системам»* [5].

Необходимо отметить, что причинные основания поднятия территориального вопроса на нынешнем этапе урегулирования конфликта до уровня

одного из главных вопросов его проблематики следует искать в начальной фазе конфликта, основные конфликтогенные факторы которого сформировались еще в первой четверти XX века. Конфликтогенная важность фактора неадекватного наложения политического пространства на этническое присуща нагорно-карабахскому вопросу изначально.

Нагорно-карабахский конфликт не являет собой этнополитический конфликт «в чистом виде». Как и в любом другом этнополитическом конфликте современности, в нагорно-карабахском конфликте переплетаются этнические, политические, социальные, экономические и многие другие линии соперничества.

Вместе с тем, отличие нагорно-карабахского этнополитического конфликта от других конфликтов подобного характера состоит в том, что, будучи в своей основе конфликтом двух государствообразующих наций распавшейся союзной республики (АзербССР)¹, нагорно-карабахский конфликт уже на первых этапах своего развертывания в политической действительности второй половины 1980-х приобрел четко выраженный этнический характер. Как правило, этнополитические конфликты современности, возникнув на экономической, социально-политической или внеэтнической основе, лишь в последующем приобретали четко выраженный этнический характер. В нагорно-карабахском конфликте изначально этническое противопоставление государствообразующих этносов республики, пришедших к конфликтному противостоянию, было использовано в качестве мощного мобилизационного символа национального движения. Субъектом такого мобилизационного символа стал армянский народ Нагорного Карабаха, который затем превратился в самостоятельный фактор, определяющий существо и динамику этнополитического конфликта.

Нагорно-карабахский конфликт, как этнополитический конфликт, имел свою первоначальную самобытную социально-историческую событийность. Отличительной характеристикой такой самобытности во второй половине 1980-х годов стала поступательно нарастающая агрессивизация противостоящих этносов конфликта, которая на определенном этапе привела к активным военным действиям сторон в первой половине 1990-х годов. В соответствии с одной из типологий этнополитических конфликтов на постсоветском пространстве выделяют конфликты, связанные с длительными антагонистическими взаимоотношениями этнических групп (например, армяне – азербайджанцы). В этом случае налицо «наследие крови», взаимная ожесточенность, которая рано или поздно должна была привести к вспышке насилия [6].

¹ «На самом деле, в Карабахе имеет место обычный этнополитический конфликт народов, которые в XX веке стали создавать свои национальные государства» (А. Юнусов, Карабахская проблема расшатывает Азербайджан, <http://www.novopol.ru/article5543.html>, 16.01.2006).

Этнополитичность нагорно-карабахского конфликта на первых этапах его системного становления во второй половине 1980-х гг. приобрела свойственный этнополитическим конфликтам на постсоветском пространстве «асимметричный» характер. Здесь под «асимметричностью» мы понимаем четкое противопоставление конфликтующих этносов по линиям «этничность» и «политика», происходящее в общем контексте «построения национальной государственности» на постсоветском пространстве. Государственное разделение двух государствообразующих наций АзербСССР происходило с помощью этнического противопоставления и политического размежевания, объединенных в общий контекст противопоставления «титულიности» и «нетитულიности» наций. Все известные этнополитические конфликты современности на постсоветском пространстве были конфликтами асимметричного типа, которые идеологически и политически оформлялись практикой «национальной государственности». Эта идеология и практика основывалась и продолжает основываться на двух главных постулатах: 1) нациями объявляются этнические общности, вернее та часть этнических групп, которая проживает в пределах республик, носящих название этой группы (они называются «титульными» национальностями); 2) эти этно-нации официально квалифицируются как обладатели собственной государственности («коренные нации»), в то время как остальное население относится к категории «меньшинств», проживающих на территории «не своей» государственности [7].

Азербайджанцы на территории бывшей АзербСССР позиционировали себя в качестве единственной «титульной» нации с правами государствообразующего этноса, армяне же Нагорного Карабаха аналогично представляли свой статус уже на территории бывшей НКАО с вытекающими отсюда выводами по исключительности своего права в отношении принятия решения по политическому статусу Нагорного Карабаха.

В целом этнополитическую конфликтогенность нагорно-карабахского этнополитического противостояния сторон можно определить в рамках концепции, рассматривающей взаимоотношения государствообразующих этносов конкретного государственного образования в качестве конфликтогенной этнополитической проблемы. В рамках данной концепции подчеркивается роль этнонационализма в мобилизации этнических чувств, межэтнической напряженности и эскалации ее до уровня открытого политического конфликта. Идеологической квинтэссенцией такой концепции будет этнонационализм, направленный на достижение политических целей. В политологическом ракурсе (который применим и к реалиям нагорно-карабахского этнополитического конфликта) этнонационализм можно определить как идеологическое

течение, направленное на достижение и сохранение автономии, единства и самобытности социальной группы, которая самоосознает себя как этническая общность. Этнонационализм является как идеологией, так и политическим движением этнической общности. Помимо трех целей, которые актуализируются в тесной привязке к политической конъюнктуре действительности и поэтому носят во многом промежуточный характер – обеспечение автономии и самоуправления, право на территорию и признание статуса своей культуры как равного с общегосударственной [7, с. 398], – идеология этнонационализма направлена на достижение «задачи-максимума» с выраженным политическим содержанием – создание собственной государственности.

Еще одним направлением дискурса идентификации нагорно-карабахского конфликта как конфликта этнополитического характера является выявление признаков, позволяющих интерпретировать данный конфликт в качестве «конфликта ценностей».

В основании нагорно-карабахского конфликта лежали игнорируемые со стороны политического руководства АзербСССР потребности развития армянского народа Нагорного Карабаха. Данные потребности выражались в таких элементах национального развития армян Нагорного Карабаха, как сохранение и защита национальной культуры и самобытности; возможностей по самостоятельному решению административных, социальных, экономических и культурных вопросов, вытекающих из прав нации, обладающей национальной автономией в рамках союзной республики; в целом, в индивидуальных правах представителей армянского этноса на территории союзной республики и коллективных правах армянского этноса, как одной из двух государствообразующих наций АзербСССР.

Именно игнорирование и нарушение указанных потребностей национального развития армян Нагорного Карабаха явились причинным элементом широкого вовлечения в конфликт противостоящих этносов, одной из фундаментальных конфликтных противоположностей которых стал вопрос борьбы за ценности, интерпретируемые каждой из сторон в терминах противопоставления. Главной ценностью, вокруг которой развернулись наиболее ожесточенные элементы конфликтного политического противостояния сторон (первоначально – армянский народ Нагорного Карабаха и республиканское политическое руководство АзербСССР, в дальнейшем – Нагорно-Карабахская Республика, как государственно-правовой представитель армянского этноса бывшей АзербСССР, и Азербайджанская Республика, как государственно-правовой представитель азербайджанского этноса бывшей АзербСССР), стала ценность перспективы развития каждой из сторон конфликта. Как известно, «конфликты ценностей» формируются вокруг различ-

ного, зачастую противоположного понимания перспектив своего развития каждой из конфликтующих сторон. Армяне Нагорного Карабаха видели перспективы своего национального развития вне рамок первоначально АзербСССР, а в дальнейшем и вне рамок Азербайджанской республики (АР), а политическое руководство АзербСССР и в дальнейшем политическое руководство АР придали принципу обеспечения «территориальной целостности» республики значение главной ценности перспективного развития азербайджанского этноса в рамках своей национальной государственности.

Будучи изначально этнополитическим «конфликтом ценностей», нагорно-карабахский конфликт вовлек в орбиту своего противостояния и этносы, и политические образования государственного и общественного характера. В самом общем смысле, дистанцирующем себя от четкого обозначения всех вовлеченных в орбиту конфликта сторон и их интересов, источником нагорно-карабахского конфликта является этнонациональное и политическое противоборство между «притесняемым меньшинством» и «доминирующим большинством». Идентификация данных наиболее абстрактных сторон нагорно-карабахского конфликта производится через определение их «функциональных ролей» в рамках предконфликтного периода и непосредственного возникновения конфликта, которые, тем не менее, интерпретировались сторонами по-разному: армяне Нагорного Карабаха рассматривали себя как «притесняемое меньшинство» и, соответственно, указывали на «доминирующее большинство» в лице всего азербайджанского населения АзербСССР, азербайджанцы же, напротив, скорее себя считали и продолжают считать «притесняемым меньшинством» (в рамках Нагорного Карабаха), а армян Нагорного Карабаха, соответственно, «доминирующим большинством».

Подобная ситуация представлена в исследованиях некоторых этноконфликтологов, однако на достаточно поверхностном «количественном» уровне анализа, без углубления в «качественную» природу проблематики. Например, отмечается, что этнополитический конфликт возникает как минимум между двумя сторонами. Чаще всего, активной силой завязавшей и обострявшей конфликт является этнически определенное меньшинство, либо большинство. Находится ли большинство в большинстве, а меньшинство в меньшинстве, можно проанализировать на уровне всей страны, отдельной ее части, региона или локальной местной единицы. Народность, составляющая большинство населения, редко является большинством на местном, локальном уровне. Так возникает чрезвычайно деликатная ситуация, когда национальное большинство на территории проживания меньшинства сама становится меньшинством. Этнополитический конфликт имеет место, когда представители некой нации питают неприязнь и враждебно ведут себя по отно-

шению к меньшинству [8].

В связи с этим отметим, что в любом случае идентификация «притесняемого меньшинства» и «доминирующего большинства» должна опираться на выявление дополнительных признаков, которые, с нашей точки зрения, можно обозначить как признаки «качества», необходимые для более четкого обозначения общих «функциональных ролей» противоборствующих сторон. Большинство, чтобы оцениваться в терминах «доминирования», должно обязательно иметь реальные возможности контролировать политическую власть и ресурсы в государстве. Меньшинство же, чтобы рассматриваться в терминах «притесняемости», не должно обладать такими реальными возможностями и, что важно для его подобной идентификации, должно стать инициатором критической переоценки доминирования большинства и его прав на продолжение контролирования политической власти и ресурсов с доминирующих позиций в рамках конкретного государственного образования. В этом контексте нагорно-карабахский конфликт имеет свои особые идентифицирующие признаки «качества» на фоне других этнополитических конфликтов современности. Армяне Нагорного Карабаха должны рассматриваться как «притесняемое меньшинство» в рамках бывшей АзербСССР и как «доминирующее большинство» в рамках Нагорного Карабаха, ибо как «притесняемое меньшинство» они поставили под вопрос политическое право другой государствообразующей нации АзербСССР распространять свои политически властные возможности на армянский народ Нагорного Карабаха, но, в то же время, с учетом присутствия азербайджанского населения в Нагорном Карабахе на момент реанимации конфликта во второй половине 1980-х гг., они стали по отношению к нему «доминирующим большинством», реализовавшим свои государствообразующие потенции в АзербСССР на территории бывшей НКАО.

В качестве одной из главных причин выдвижения армянами Нагорного Карабаха требований по пересмотру политического доминирования азербайджанского государствообразующего этноса стал факт нарушения их прав на индивидуальном и коллективном уровне, в качестве второго государствообразующего этноса АзербСССР.

2. Причины нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека

В научной литературе существует два подхода к анализу причин этнополитических конфликтов, сущности их эволюции: 1) социологический, в рамках которого причины конфликтов объясняются на основе анализа этнических

параметров основных социальных групп и слоев, а также на основе исследования взаимосвязи и взаимовлияния социальной стратификации общества и разделения труда с этническими характеристиками региона, переживающего этнополитическую напряженность; 2) политологический, в рамках которого центральное внимание уделяется трактовке роли национальных элит в мобилизации чувств в процессе межэтнической напряженности и ее эскалации до уровня открытого конфликта. В качестве ключевого исследуется вопрос о власти, доступе к ресурсам.

При рассмотрении причин этнополитических конфликтов некоторые исследователи пытаются подойти к данному вопросу с объединяющих два вышеотмеченных подхода позиций и соответственно внести некую общую константу в исследование причин этнополитического противоборства сторон. Такой методологической константой служит, например, выявление причин общецивилизационного характера, порождаемых объективным развитием человечества. Так, Д.Блэк полагает, что неравномерное протекание модернизации (социальной структуры, экономики, национально-государственного устройства и др.) в этнонациональных ареалах порождает конфликты между притязаниями этнических групп, с одной стороны, и реальными возможностями государства гарантировать обеспечение прав своих граждан – с другой [9].

По существу данный дискурс исследования вводит в научный оборот понятие «макропричины этнополитических конфликтов». Макропричины этнополитических конфликтов интерпретируются в качестве «цивилизационных разломов». Именно понимание этнополитических конфликтов в контексте конфликтов культур и цивилизаций дает возможность выявлять потенциальные очаги этноконфликтного напряжения, зоны и регионы постоянной этноконфликтной «готовности» [10].

В рамках так называемой концепции «внутреннего колониализма» политическое участие этноса объясняется неравномерными темпами индустриализации в полиэтничном государстве, порождающие различные уровни социально-экономического развития этногрупп. Этнически доминирующая группа стремится стабилизировать и монополизировать свое положение и преимущества. Концепция «внутреннего колониализма» выделяет причины политизации этничности: 1) объективно сложившееся социально-экономическое неравенство этнических групп в процессе модернизации; 2) осознание этого неравенства как исторической несправедливости членами этногруппы; 3) формирование этнонационализма (стремление к изменению политического статуса) как реакция на политику центра. Развивая эту позицию, авторы приходят к выводу о том, что по мере модернизации и сближе-

ния социально-экономических характеристик контактирующих этносов, этнический фактор постепенно теряет свое влияние [11].

В числе причин, порождающих этнополитические конфликты, исследователи отмечают «политизацию этнической солидарности» [12], получившую свое развитие, в частности, в условиях либерализации политической системы в СССР в перестроечный период [13].

Наряду с глубинными причинами этнополитических конфликтов, определяющих их основные элементы конфликтного свойства и дальнейший вектор динамики развития, можно выделить также и ситуационные причины этнополитических конфликтов: внезапное исчезновение сдерживающих факторов внешней среды, что может произойти из-за быстрого ослабления высшей политической власти или неожиданного исчезновения внешней угрозы; внутренняя борьба за лидерство в рамках этнической группы; экономическая ситуация и многое другое.

В самом общем смысле причины этнополитических конфликтов следует искать в плоскости, где происходит углубление неурегулированности политических и связанных с ними противоречий в отношениях между социальными группами, рассматривающими себя в первую очередь и преимущественно в категориях этнического противопоставления. Это внутренний пласт причинности этнополитических конфликтов.

Другой важнейший аспект уяснения причин этнополитических конфликтов – обязательное выявление внешних по отношению к конфликтному процессу факторов, которые влияют на эволюцию противоречий между этническими группами. Особо важную роль в этом играют информационные процессы [14].

Динамика этнополитического конфликта определяется общей диалектикой этнополитического противостояния сторон. Предмет этнополитического конфликта непосредственно связан с противоречиями в отношениях между политически противоборствующими этносами. Данные противоречия могут иметь основной и побочный характеры, но главное, что на различных этапах эволюции этнополитического конфликта эти противоречия могут трансформироваться из основных в побочные и обратно. Более того, сам предмет этнополитического конфликта представляет собой обнаружение, проявление, манифестацию этого противоречия в конкретных исторических условиях, поэтому и предметы этнополитических конфликтов могут быть разными у различных фаз одного и того же конфликта. «Стабильность» круга противоречий и самого предмета этнополитического конфликта, их четкая конфликтная объективированность в политической практике конфликтного противостояния

этносов, зависит от многих факторов, среди которых выделим относимые к реалиям нагорно-карабахского конфликта: достаточно длительный исторический опыт конфликтного противостояния армянского и тюркского этносов; связанная с этим кристаллизация во многом несовместимых политических притязаний двух этносов; внешние факторы влияния, накладываемые на «благодатную» почву этнической «мозаичности» и политической дезинтеграции региона, способствовавшие укоренению политических противоречий между этносами региона и приданию им «объективного» вида.

Различаясь по масштабам, социальному значению, происхождению, «возрасту», напряженности, этнополитические конфликты имеют одну «конечную природу», способствующую этнической мобилизации. Их глубинные корни – это нарушение прав той или иной нации или этнической группы, справедливости и равноправия в межнациональных отношениях [7, с. 396].

Национальные конфликты на территории СССР явились во многом результатом нарушения прав и основных свобод человека, что, в свою очередь, породило новые конфликты. С момента включения в состав Азербайджанской ССР и в результате ее дискриминационной политики в Нагорном Карабахе происходило ущемление культурных, политических и экономических прав [15].

2.1. Политические аспекты причин нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека

Исследуя политические аспекты нарушений прав армянского народа Нагорного Карабаха, необходимо отметить те концептуальные положения в общей теории политического, а значит и институционального понимания концепции прав человека, которые имеют непосредственное отношение к вопросу причинности нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека.

Политические основания защиты прав человека в СССР с позиций их институциональной оформленности и эффективности в современном понимании демократических стандартов не действовали и, соответственно, носили в целом декларативный характер. Особенно это находило свое наглядное проявление в сфере политического сбалансирования межнациональных отношений в рамках некоторых союзных республик, в государственном политико-правовом поле которых сложилась определенный дисбаланс в системе «доминирующий этнос – подчиненный этнос». Наибольший накал межнациональные отношения приобретали особенно в том случае, если «подчиненный этнос» при этом обладал изначальными правами государствообразующей нации при образовании конкретной союзной республики. Полити-

ко-правовые институты защиты прав человека в таком случае должны были придерживаться принципа обеспечения коллективных прав конкретного этноса, имеющего государствообразующие права, но общая политическая идеология построения «советской нации» категорически не допускала какого-либо подчеркивания особых прав конкретного этноса, даже если это подчеркивание носило бы ограниченно-локальный республиканский характер.

Советская политическая система декларировала особую и исключительную роль института государства в защите декларированных на всесоюзном и республиканском конституционном уровнях прав человека. Но реальная объективации декларирования прав человека в системе внутригосударственных механизмов защиты не имела того вида, который необходим в целях уважения и обеспечения коллективных прав государствообразующих этносов в рамках многонациональных союзных республик. Так, наиболее подходящий для этих целей внутригосударственный институт конституционного контроля (конституционного правосудия) в виде Конституционного суда вообще отсутствовал в системе органов политической власти Союза ССР, а попытки кооптации его прототипа в систему государственных органов Союза в конце 1980-х годов не привели к ощутимым результатам (Комитет Конституционного надзора СССР)¹. В этот период основную миссию в деле защиты прав человека на пространстве СССР взяли на себя многочисленные общественные организации, которые, в частности в нагорно-карабахском конфликте, выступили в качестве общественных правозащитников, вовлеченных в процесс выявления случаев массового и грубого нарушения прав человека в период вооруженного противостояния конфликтующих сторон (например, правозащитный центр «Мемориал»).

Созданию эффективных политических институтов защиты прав человека препятствовала также «идеологическая замкнутость» СССР на международной арене, что не позволяло вовлечь советское государство в международно-правовой процесс интернационализации концепта прав человека, а посредством его и в процесс защиты прав человека в соответствии с международно-признанными стандартами демократических стран мира.

В преддверии этнополитической конфликтизации многонационального политического пространства Союза ССР, центральные и республиканские органы государственной власти столкнулись с дефицитом (а точнее, отсутствием) эффективных механизмов поддержания правопорядка в обществе.

¹ За время своей деятельности (май 1990 – декабрь 1991гг.) Комитет конституционного надзора СССР принял более 40 актов. Помимо заключений это были также решения (о принятии вопросов к рассмотрению), постановления (носящие рекомендательный характер) и заявления. В «Ведомостях Верховного Совета СССР» за 1990 и 1991 гг. опубликованы итоговые акты по 23 вопросам, рассмотренных Комитетом.

Права человека, как политико-правовой институт в системе общественно-политической организации социума, включающий в себя определенный комплекс стандартов и ценностей, является одним из стабилизирующих факторов институционального характера в общем обеспечении социального порядка в конкретном обществе. Стабилизирующая роль защиты прав человека в состоянии отсутствия в обществе, в частности, этнополитического противостояния сторон, неопределима под углом зрения предсказуемости, заранее определенности и согласованности тех непосредственных процедур и действий, механизмов и средств, которые объективируют саму защиту прав человека, способствуют созданию в рамках «бесконфликтного» общества пространства социального порядка. Не имея же такой стабилизирующей и предупреждающей, в частности, межнациональные политические конфликты базы, центральное и республиканское партийные руководства Союза ССР не были в состоянии эффективно управлять ситуацией в стране в сфере межнациональных отношений.

В активной фазе реанимации нагорно-карабахского конфликта во второй половине 1980-х годов были отчетливо представлены следующие составляющие политического свойства: 1) будучи изначально государствообразующим этносом АзербСССР армянский народ союзной республики в лице армян Нагорного Карабаха, как носителей объективированных автономных прав государствообразующей нации в системе функционирования НКАО, выступил в качестве коллективного инициатора пересмотра своего пребывания в составе АзербСССР¹; 2) в качестве одной из основных причин такой инициативы армяне Нагорного Карабаха выдвинули факт нарушения своих прав государствообразующей нации АзербСССР.

В предконфликтный период реанимации нагорно-карабахского конфликта сложилась ситуация, когда будучи более развитым по своему социальному уровню армянский государствообразующий этнос АзербСССР был дискриминируем в своих политических возможностях, что проявилось, в

¹ «В советское время в пределах АзербСССР определенным государственно-правовым статусом обладало и армянское население республики, проживающее за пределами области. Уже самим фактом признания за ним права обладать в Нагорном Карабахе автономной областью, как формой советской национальной государственности, армянский народ АзербСССР был признан одной из государственных наций этой республики. Поэтому и национальные учреждения за пределами области (республиканская армяноязычная пресса, радио и телевидение, учебные заведения и т.д.) стали национальными учреждениями второй по численности государственной нации АзербСССР. Второй пост в иерархии государственных должностей республики – пост первого заместителя председателя Верховного Совета АзербСССР – законодательно был закреплен за армянином, председателем областного Совета народных депутатов НКАО. Таким образом, именно через НКАО как свое национальное государственное образование в составе АзербСССР, армянский народ этой республики был представлен в ее высших органах государственной власти» (А.С. Манасян, Карабахский конфликт: ключевые понятия и хроника, Ер., «НОФ Норавак», 2005, сс. 172-173).

первую очередь, в виде недопущения лиц армянской национальности в республиканские политические институты власти.

Нарушения прав армянского народа союзной республики проявлялись в политическом аспекте, главным образом, в отлаженной в республиканском масштабе АзербССР системе «этнического фильтра» при занятии административно-партийных постов. Подобная система приводила к формированию образа дискриминируемого армянского этноса, ущемляемого в своих правах через политические ограничения прав конкретных представителей этноса. Нарушения индивидуальных политических прав армян АзербССР привело к артикуляции коллективного права армянского народа Нагорного Карабаха по выходу из состава республики, в рамках которой происходит индивидуальная и коллективная дискриминация этноса.

В АзербССР последовательно и настойчиво проводилась линия на азербайджанизацию партийного и государственного аппарата, административных органов республики. Если при первом секретаре ЦК КП Азербайджана М.Д.Багирове в 1933-1953 гг. одним из секретарей ЦК партии, Бакинского комитета партии и заместителей председателя Совета Министров республики были армяне, не говоря о многочисленных министрах, ответственных работниках аппарата ЦК, секретарях райкомов партии г.Баку, то при секретарях ЦК Г.Алиеве и К.М.Багирове их вообще не стало. Кадры в Азербайджане выдвигались по родоплеменным и земляческим принципам¹.

За период с 1968 по 1988 гг. в автономную область республиканскими органами были направлены на руководящую работу 25 человек. Среди них первый секретарь обкома партии, три вторых секретаря обкома партии, два председателя и два первых заместителя председателя облисполкома, пять начальников и один заместитель начальника отдела КГБ, два прокурора области, два начальника и три заместителя начальника УВД, три военкома. Ни один не был уроженцем Нагорного Карабаха и не владел армянским языком.

¹ «Формирование правящей партийно-хозяйственной бюрократии последние двадцать лет шло под тщательным контролем Гейдара Алиева, абсолютно полновластного «хозяина» партии – государства в этом уголке СССР. Должности секретарей партийных комитетов и председателей исполкомов, министров, заместителей министров, начальников главков и ниже, как правило, продавались за взятки, хотя и были исключения. Кроме взятки, роль играл и такой фактор, как кумовство и местничество. За тринадцать лет прямого руководства республикой Г.Алиев сумел разместить множество своих родичей и земляков на важнейшие посты – как в органах госуправления, так и сферах экономики, культуры и образования. Идеологический фактор при этом роли не играл, вернее, играл роль не фактор формальной коммунистической идеологии, а фактор реальной идеологии – идеологии преданности Г.Алиеву и согласия с существующими порядками. Так формировался основной костяк партийно-хозяйственной элиты. Достаточно сказать, что в 1997г. из 252 партийных секретарей районного, городского и республиканского уровней в восстановленной Компартии Азербайджана состояли всего два бывших секретаря – Евлахского райкома партии и Бакинского горкома партии. Все остальные с той или иной долей успеха вписались в новые рыночные порядки». (*Зардушт Али-заде*, Азербайджанская элита и массы в период распада СССР, http://www.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_0055.htm).

Из них 9 руководящих работников (первый, два вторых секретаря обкома партии, председатель и заместитель председателя обисполкома, два начальника отдела КГБ, прокурор области, начальник УВД), работая по 5-14 лет в области, остались прописанными по бывшему месту жительства в г.Баку.

За этот же период из состава руководящих работников области были переведены на работу в Баку 14 человек. Из них 7 азербайджанцев и все – на выдвижение. Из 7 армян – выходцев из Нагорного Карабаха, переведенных на работу в Баку, трое были выдвинуты инструкторами ЦК КП АзербСССР, а четверо – понижены в должности (первый секретарь и секретарь обкома партии, председатель обисполкома и начальник УВД).

Как видим, за эти 20 лет из Нагорного Карабаха ни один работник армянской национальности не был выдвинут на руководящую должность в республиканских органах.

С 1980 по 1990 гг. из области ни один кадр не был направлен на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. В кадровой политике республиканские органы дошли до такой степени тенденциозности, что, ежегодно на льготных условиях направляя в вузы городов страны более 800 человек, ни одного места не выделяли области. А самостоятельно поступившие и окончившие вузы Армянской ССР при выдвижении на более или менее заметную должность в области утверждались в республике с трудом [16].

К концу 1980-х гг. на многонациональном пространстве СССР сложилась некая этностатусная иерархия, сформировавшаяся в свою очередь под воздействием национальной политики СССР (центр, с одной стороны, опирался в политике на численно доминирующие народы, с другой – предпринимал активные меры, направленные на выравнивание социально-экономического и культурного неравенства народов). Отказ центра в этот период от номенклатурного принципа формирования элиты на уровне регионов дал толчок к ее деятельности по мобилизации этнических групп в рамках республик для укрепления своих позиций в структуре власти. Теперь политический статус этноса стал осознаваться этноэлитами в качестве собственного властного ресурса, и поэтому во второй половине 1980-х годов в масштабе отдельных союзных республик началась борьба за изменение статусных позиций этнических групп.

Исследователь национализма Э.Геллнер указывает, что во второй половине 1980-х гг. национализм на советском пространстве начал заполнять вакуум, образовавшийся после критического осмысления советской коммунистической идеологии и коррозии единых государственно-правовых механизмов власти Союза: *«Этнический национализм естественно был порожден сложив-*

шимися после семи десятилетий советского якобинства условиями. Его питает двойной вакуум: отсутствие серьезной противодействующей ему идеологии и отсутствие серьезных противодействующих ему институтов» [17].

В период активизации нагорно-карабахского конфликта во второй половине 1980-х годов, общие оценки центрального руководства страны строились вокруг «осуждения эгоизма карабахских армян»¹. В понятие «эгоизм» вкладывался смысл «политико-идеологической близорукости» армянского народа Нагорного Карабаха, предъявившего в обоснование своих требований, прежде всего, аргументацию нарушений своих прав на территории союзной республики (АзербСССР), где он обладает правами государствообразующего этноса.

В настоящем исследовании мы часто обращаемся к определению армянского народа АзербСССР как изначально государствообразующей этнонации этой союзной республики в составе Союза ССР. В подтверждение этому можно привести следующую аргументацию.

АзербСССР была создана как советская социалистическая республика мусульман (кавказских татар) и армян, подтверждением чему является и политическая мотивировка включения Нагорного Карабаха в административные границы АзербСССР в соответствии с известным решением Кавказского бюро РКП(б) от 5 июля 1921г.: «исходя из необходимости установления мира между мусульманами и армянами...». Кавказское бюро РКП(б) в 1921 году фактически признало армян и мусульман сторонами конфликта вокруг национально-государственного устройства Азербайджана, а, следовательно, источником и носителем этой советской формы государственности. В Декрете ЦИК АзербСССР «Об образовании Автономной Области Нагорного Карабаха» от 7 июля 1923г. национально-государственное устройство АзербСССР определено как «единый государственный союз» мусульман и армян. В Декрете основной задачей советской власти провозглашается установление братского сотрудничества армян и мусульман «в едином государственном союзе», каковым должна была быть АзербСССР.

Автономная Область Нагорного Карабаха, созданная на основе указанного Декрета ЦИК АзербСССР, получила форму советской государственности, что является подтверждением тезиса об изначально декларированном государствообразующем статусе армян АзербСССР, получившем объектива-

¹ «Все это привело к тому, что, по образному выражению известного писателя, общегосударственная, общенародная этика большинства наших граждан осудила местный «эгоизм карабахцев, больно ударивший по самой перестройке, по нашей главной ценности, на котолрую мы сделали свою величайшую ставку» (Ю.В. Бромлей, Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов, М., «Наука», 1988, с. 35 со ссылкой на А. Проханов, Я был в Степанакерте // «Литературная газета», 10 августа 1988г.

цию данного статуса в лице создания своей национально-государственной автономии в Нагорном Карабахе. Нагорно-Карабахскую автономию, в этом контексте, можно считать главной формой политико-правовой защищенности государствообразующего статуса армян в АзербСССР.

Вненациональный характер АзербСССР был обусловлен не только многонациональностью Восточного Закавказья, не только тем, что кавказские татары не играли решающей роли в экономике края, в особенности в промышленности, где ключевые позиции были в основном в руках армян и русских, словом, не только социально-историческими обстоятельствами, но и особенностями ее этно-территориального устройства. АзербСССР включала территории, которые и исторически, и этнически были армянскими [18].

Нарушение прав человека вследствие задействования центральным и республиканским руководством Союза ССР политических методов быстрого «партийного» реагирования на этнополитизацию нагорно-карабахского конфликта привели к ухудшению ситуации с позиций защиты прав человека. Показательным примером этому является «история» с принятием Указа «О введении особой формы управления в НКАО Азербайджанской ССР». 12 января 1989г. Президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев, как сказано в преамбуле, «данный вопрос с Президиумом Верховного Совета Азербайджанской ССР», принял Указ «О введении особой формы управления в НКАО Азербайджанской ССР». Поскольку не существовало каких-либо законодательных актов относительно этой формы управления, то Указ одновременно был первым и единственным документом, регламентирующим его правовой режим. Принятый без какого-либо предварительного обсуждения и экспертизы, этот акт содержал внутренние противоречия, равно как и противоречил ряду положений Конституции СССР. Так, принятый Указ уже сам по себе являлся грубым нарушением прав человека. В частности, грубо нарушалась ст. 25 международного Пакта о гражданских и политических правах 1966г., предоставляющая гражданам «без какой бы то ни было дискриминации... и без необоснованных ограничений право и возможность: а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей;... с) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе». Таким образом, нарушались самые важные права из совокупности политических прав граждан.

Уже позднее, в начале 1991г. новый Верховный Совет Армении обратился в Комитет Конституционного надзора СССР с просьбой рассмотреть соответствие ч. 3 ст. 1 Указа (о приостановлении полномочий облсовета) Конституции СССР. Нарушения Конституции были очевидны, но, согласно

действовавшему законодательству, в случае подобной фиксации Комитетом должно было быть приостановлено действие соответствующего пункта Указа и восстанавливались полномочия облсовета НКАО. Разумеется, это влекло весьма серьезные политические последствия, поэтому Комитет всячески оттягивал решение вопроса и вернулся к его окончательному рассмотрению уже тогда, когда было ясно, что СССР, а стало быть, и Комитет доживает свои последние дни, и юридическое решение Комитета какого-либо воздействия на ситуацию оказать не может [19].

Как было отмечено в постановлении Комитета Конституционного надзора от 28 ноября 1991г., «поскольку положения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 12 января 1989г. о введении в НКАО особой формы управления и приостановления в связи с этим полномочий Совета народных депутатов НКАО утратили силу вследствие принятия постановления Верховного Совета СССР 28 ноября 1989г.¹, отпала необходимость в их юридической оценке с точки зрения соответствия Конституции СССР и Законам СССР. Вместе с тем Комитет конституционного надзора СССР обращает внимание на то, что тогда в компетенцию Президиума Верховного Совета СССР не входило право приостановления деятельности каких-либо Советов народных депутатов» [20].

2.2. Конституционно-правовые аспекты причин нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека

Конституционно-правовые аспекты выявления причин нагорно-карабахского конфликта исходят из общих нормативных качеств прав человека как политико-правового института. В своем нормативном качестве права человека выступают в виде универсальных требований к организации любой политической системы, которые могут применяться как критерии оценки внутригосударственных и международных отношений. С этой точки зрения, права человека существуют как система универсальных политических норм и стандартов, которые действуют независимо от характера режима правления и конституционной системы конкретной страны. Это некая планка требований, к которым должна приспосабливаться каждая система власти.

Даже в условиях тоталитарного режима, имевшего место на пространстве СССР, политические власти Союза декларировали определенный набор прав и свобод человека и гражданина, тем самым определяя для себя собст-

¹ Имеется в виду постановление Верховного Совета СССР «О мерах по нормализации обстановки в НКАО» от 28 ноября 1989г. Постановление упразднило Комитет Особого Управления и создало вместо него подчиненный азербайджанскому руководству «Оргкомитет».

венную «планку требований» в сфере защиты прав человека.

Возникшие на государственно-правовом пространстве СССР этнополитические конфликты в аспекте их конституционно-правовой причинности явились воплощением глубокого отрыва между декларацией прав и свобод человека в конституционных и законодательных актах Союза ССР и их реальным обеспечением и осуществлением в политических, социально-экономических и культурных практиках общественно-политической жизни страны. Особенно данный разрыв, в контексте причин возникновения этнополитических конфликтов в СССР, был осязаем в отношении защиты коллективных прав этносов многонационального государства. Имея в местах своего компактного и численно преобладающего расселения автономный статус, а в некоторых случаях и государствообразующий статус в составе конкретной союзной республики, некоторые этносы СССР подвергались значительному дискриминационному давлению, что послужило одной из главных причин актуализации для дискриминируемых этносов вопроса защиты их прав как коллективного субъекта.

В этнополитическом конфликте природа участия противостоящих сторон по определению носит коллективный характер. Производным следствием из этого является тот факт, что этносы вступают в противостояние на основе ощущения принадлежности к некоей группе, идентифицирующей себя в качестве самостоятельного и противопоставляющего себя другим этническим группам этноса. Дискриминируемый этнос в системе противопоставления своих интересов интересам «доминирующего этноса», агрегирует и артикулирует элементы нарушения своих прав в терминах коллективности. Иначе говоря, в этнополитическом конфликте противостоящими этносами (особенно дискриминируемым этносом) артикулируются и составляют мобилизационную основу коллективных требований именно коллективные права данного этноса. Последние выступают как носители коллективных прав, а не как носители суммы индивидуальных прав лиц, принадлежащих к конкретному этносу.

Признак государствообразуемости прав конкретного этноса в рамках союзной республики указывает на то, что при дискриминации индивидуальных прав представителей этноса и коллективных прав этноса в целом возникает ситуация выдвижения государствообразующим этносом коллективного требования о своем объективном праве на самостоятельное определение собственного политического будущего, тем более в ситуации, когда меняется политический статус самого многонационального государственного образования.

Дискриминация и нарушения прав человека могут иметь свое непо-

средственное выражение на индивидуальном уровне, в отношении конкретного человека, и при этом, конечно, защита нарушаемых прав должна быть обеспечена именно на индивидуальном уровне. Но когда нарушается фундаментальное право государствообразующего этноса на самостоятельное определение собственного политического статуса, то права этноса должны получить коллективную защиту.

Для более полного создания представления о конституционно-правовых причинах нагорно-карабахского конфликта, с нашей точки зрения, было бы целесообразным привести определенный перечень конституционных и законодательных норм СССР. Нарушения нижеприводимых норм действовавшего на момент активизации нагорно-карабахского конфликта советского законодательства в сфере защиты прав человека имели место уже в период 1988-89гг., т.е. в начальный период выдвижения народом Нагорного Карабаха требования о выходе из состава АзербСССР и включения автономной области в состав АрмСССР. Это дает нам основания говорить о данных нарушениях с позиций их причинности в отношении к выдвижению требований армян Нагорного Карабаха и актуализации ими своих коллективных прав государствообразующего этноса союзной республики (АзербСССР).

Социалистическая концепция правового статуса личности отрицала концепцию прав человека. В официальной доктрине и практике Советского Союза понятие «права человека» не использовалось, считалось неклассовым, следовательно, противоречащим основной концепции социалистического государства. Речь шла о правах гражданина. Концепция прав гражданина строилась на соединении прав и обязанностей. Это было отражено в преамбуле Конституции СССР 1977г., которая устанавливала, что политическая система СССР «гарантирует... сочетание реальных гражданских прав и свобод с обязанностями и ответственностью перед обществом». Статья 59 Конституции гласила: «Осуществление прав и свобод неотъемлемо от выполнения гражданами их обязанностей». В социалистической теории осуществление прав рассматривалось не как самостоятельная ценность, а в контексте социалистического строительства [21].

В Конституции СССР 1977г. была норма о равноправии всех граждан СССР вне зависимости от национальной принадлежности, более того на конституционном уровне была закреплена следующая норма: «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по... национальным признакам, равно как и всякая проповедь... национальной исключительности, вражды или пренебрежения – наказываются по закону» (ст. 36). По советскому законодательству нарушение национального и расового равноправия – преступление, которое

было предусмотрено статьей 11 Закона СССР 1958г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» (в редакции Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1989г.)¹.

Статья 55 Конституции СССР гарантировала гражданам СССР неприкосновенность жилища: «Никто не имеет права без законного основания войти в жилище против воли проживающих в нем лиц». Под жилищем понималось не только арендуемое гражданами или принадлежащее им на праве личной собственности жилое помещение, но и вспомогательные помещения, связанные со сферой личной жизни граждан. Советское законодательство давало исчерпывающий перечень лиц, имеющих право войти в жилище граждан, которым они могут пользоваться в установленных законом пределах и в целях, отвечающих их прямому назначению. За нарушение права граждан на неприкосновенность жилища была установлена уголовная ответственность (ст. 136 УК РСФСР).

Советскому законодательству было известно понятие «выселение» – принудительное лишение права пользования жилым помещением по основаниям и в порядке, установленном законодательством. Никто не мог быть выселен из занимаемого жилого помещения иначе как по основаниям и в порядке предусмотренном законом (ст. 10 Жилищного кодекса РСФСР). Даже если лицо принудительно выселялось на законных основаниях, Жилищный кодекс оговаривал условия, на которых возможно выселение и защищал жилищные права выселяемых: предоставляемое после выселения жилое помещение должно быть благоустроенным применительно к благоустроенности домов государственного и общественного жилищного фонда данного населенного пункта; если наниматель занимал отдельную квартиру, ему необходимо было предоставить также отдельную квартиру; по размеру помещение должно быть не менее того, которое занимал наниматель, включая дополнительную площадь, если он имеет на нее право; должны были учитываться заслуживающие внимания интересы семьи (ст. 41 Жилищного кодекса РСФСР).

Советское законодательство предусматривало возможную ситуацию «самоуправного занятия помещений», под чем подразумевалось заселение жилого помещения в домах государственного и общественного жилого фон-

¹Положения Закона были воспроизведены, в частности, в статье 74 Уголовного кодекса (УК) РСФСР. Советский законодатель дифференцировал ответственность за нарушение национального и расового равноправия в зависимости от наличия предусмотренных квалифицирующих признаков. Более высокая ответственность была установлена, если указываемые действия соединены с насилием или угрозами, а равно совершены должностным лицом (ч. 2 ст. 74), а также в том случае, если они совершены группой лиц либо повлекли гибель людей или иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 74 УК РСФСР). Здесь и далее приводятся кодифицированные нормы законодательства РСФСР. В СССР каждая союзная республика имела свое республиканское законодательство, однако оно опиралось на единые нормы общего советского законодательства, которые, в частности, в сфере гражданско-правовых и уголовно-правовых отношений, объективировались в виде законодательных норм самой крупной союзной республики – Кодексов РСФСР.

да без предоставления его в установленном порядке и заключения на него договора найма. Обязательным юридическим признаком самоуправного занятия помещений было заселение и без ордера, и без заключения договора найма одновременно. Если помещение было заселено без ордера, но с разрешения должностного лица, то считалось, что оно занято по недействительному договору найма, заключенному этим должностным лицом с гражданином, занявшим помещение. При занятии жилого помещения по недействительному договору найма жилого помещения должно было быть произведено выселение без предоставления другого жилого помещения в судебном порядке (постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 апреля 1987г. «О практике применения судами жилищного законодательства»). Если же имело место явно самоуправное заселение помещения (даже без недействительного договора найма), то выселение должно было производиться в административном порядке с санкции прокурора.

Советские нормы охраны жилищных прав граждан СССР приведены нами исходя из тех соображений, что в период 1988-1989гг. имели место многочисленные факты нарушения имущественных и жилищных прав армян АзербСССР со стороны республиканских властей советского Азербайджана и различных активистов нарождавшегося в республике националистического движения.

Уже на следующем этапе этнополитического противостояния в Нагорном Карабахе и вокруг него конституционно-правовые причины эскалации конфликта заключались в создании, в первую очередь со стороны республиканских властей АзербСССР, препятствий для реализации армянским народом Нагорного Карабаха своих коллективных прав государствообразующего этноса. Показательна в связи с этим ситуация вокруг реализации норм еще действовавшего тогда советского законодательства, регламентировавшего правовые основы реализации коллективных прав этносов СССР по политико-правовому самоопределению.

Равноправие национально-государственных образований всех уровней – от национального округа до союзной республики – в вопросе возможного государственно-правового «развода» в рамках конкретных союзных республик и Союза ССР в целом было законодательно закреплено в 1990г. в виде Закона СССР «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР» (принят ВС СССР 3 апреля 1990г.). Закон, при принятии которого голосовали «за» и народные депутаты СССР от АзербСССР и НКАО, конкретизировал правовые условия выхода из СССР не только союзных республик, но и всех автономных образований на территории Союза. Статья 3 Закона устанавливала: «В союзной республике, имеющей в своем

составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится по каждой автономии. За народами автономных республик и автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение вопроса о пребывании в Союзе ССР или выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственном статусе. В союзной республике, на территории которой имеются места компактного проживания национальных групп, составляющих большинство населения данной местности, при определении итогов референдума результаты голосования по эти местностям учитываются отдельно».

Очевидно, что рассмотрение норм Закона СССР от 3 апреля 1990г. с позиций их определяющего влияния на политико-правовые причины нагорно-карабахского конфликта является ошибочным. На момент принятия Закона нагорно-карабахский конфликт уже прошел этап общего формирования своей причинной базы основных элементов этнополитического противостояния между субъектами конфликта. В то же время, с нашей точки зрения, Закон способствовал как уточнению собственных коллективных потребностей по самоопределению, так и государственно-правовой «кристаллизации» на законодательном уровне прав одного из государствообразующих этносов АзербССР. Принятием Закона коллективное право армянского народа Нагорного Карабаха на определение своего государственно-правового статуса получило конституционно-правовое признание в рамках действовавшего законодательства Союза ССР.

2.3. Социально-экономические аспекты причин нагорно-карабахского конфликта в свете защиты прав человека

Исследователи признают бóльшую определяемость причин любого этнополитического конфликта современности в терминах «ценности», чем в понятиях «интересы». Советские же теории социально-экономического детерминизма были определяющими и в сфере управления межнациональными отношениями на территории СССР. Первые проявления этнополитизации национальных конфликтов на территории Союза во второй половине 1980-х годов центральное руководство страны объясняло диспропорциями в социально-экономическом развитии соседних регионов и соответственно пробовало «гасить» эти конфликты политикой «выделения дополнительных средств на социально-экономическое и культурное развитие» конфликтных точек. Партийно-государственное руководство СССР пыталось усмотреть причину проявивших себя на территории страны межнациональных конфликтов в социально-экономическом отставании автономных образований, отрицая при этом реально существующие источники иного порядка. Подоб-

ный подход проявил себя и в отношении нагорно-карабахского конфликта. Выделяя экономическую причину в качестве первоосновы конфликта в Нагорном Карабахе, союзное правительство пыталось нейтрализовать кризис, выделяя целевые ассигнования [22] и увеличивая поставки товаров потребления в НКАО [23].

Предположение, что этнополитические конфликты практически невозможно решить таким путем, выходило далеко за рамки привычного экономического редуционизма в СССР.

Дискриминация в отношении пользования социально-экономическими правами является существенным, а в применении к реалиям некоторых этнических конфликтов современности – определяющим фактором причинной обусловленности конфликтного противостояния этносов.

Применительно к нагорно-карабахскому конфликту необходимо отметить, что нарушения социально-экономических прав армянского народа АзербСССР не были определяющими с позиций их причинной природы даже в период активизации этнополитического противостояния во второй половине 1980-х годов.

Вместе с тем, социально-экономический фактор в причинном ряду выдвигания требований армянского народа АзербСССР по отстаиванию своих прав имел весьма существенный вес в общей аргументации по защите прав человека на территории АзербСССР. Армянская сторона приводила в обоснование своей социально-экономической аргументации по защите прав человека следующие данные.

Если в 1970г. капиталовложения на одного жителя по АзербСССР составили 243 рублей, по НахАССР 267 рублей, то по НКАО всего 153 рублей. Этот же показатель в 1986г. составил соответственно 473, 334, 178 рублей, или 194,6%, 125% и 116% к 1970г. При этом капиталовложение на одного жителя в 1970г. по республике было на 90 рублей, по НахАССР – на 114 рублей больше, чем в НКАО. Несмотря на незначительность выделяемых капиталовложений, они из года в год не осваивались из-за неудовлетворительной материально-технической базы строительных организаций. За эти годы райцентры, районы области по сравнению с соседними районами республики росли и благоустраивались значительно медленнее. Наглядным примером такой диспропорции являлись Джебраильский и Физулинский районы республики и Гадрутский район автономной области, граничащие друг с другом¹.

¹ Население Гадрутского района в 1913г. – 33 тыс. армян, 1926г. – 25 тыс., 1959г. – 17 тыс., 1970г. – 16 тысяч. Здесь, как и всюду по району, за 60 лет не был построен ни один жилой дом, ни одно учреждение. В селах нет школ, больниц, клубов. Здесь ничего не строится, зато щедро разрушается. По району зарегистрировано более 5 тысяч бесхозных домов, превратившихся в развалины. Сам Гадрут напоминает богом забытый уголок, которого не коснулась цивилизация (См. *Л. Гурунц*, Наедине с собой или как докричаться до вас, потомки! Дневниковые записи 1975-1982 гг., (сост. и ред. *Л. Исаакян*), Ер., «Зангак-97», 2002).

Областной центр, райцентры области были плохо обеспечены питьевой водой, медленно решался вопрос газификации и другие насущные вопросы во многих населенных пунктах. Из 77 колхозов и совхозов всего было газифицировано 5 хозяйств, в то время как в соответствии с постановлением правительства республики все они к 1988г. должны были быть газифицированы. Это в том случае, когда газопровод в НахАССР проходил через территорию автономной области, и в НахАССР газификация практически была завершена [16, сс. 21-22].

В социально-экономической сфере политика Баку по отношению к автономной области в составе АзербСССР носила дискриминационный характер. Самым простым было не вкладывать капиталовложений в экономику Карабаха, не создавать каких-либо инфраструктур и, учитывая естественный износ оборудования и почвы, оставлять Нагорный Карабах в состоянии даже худшем, чем в 1920-30-х годах. Так, в 1950-е гг. в НКАО в перерасчете на душу населения капиталовложений приходилось в десять раз меньше, чем в среднем по Азербайджану. Правда, в годы правления Г.Алиева социально-экономическая политика приняла несколько иную форму – если до него в Карабах попросту не вкладывали капиталовложений, то при нем стало поощряться усиленное развитие азербайджанских населенных пунктов. Бакинским руководством был взят курс на экономическое растворение НКАО в инфраструктуре близлежащих азербайджанских районов. Так, основные автодороги проектировались так, что из любого райцентра до Степанакерта можно было попасть только через соседние азербайджанские районы (аналогично, дорога в Ереван пролегла через Агдам и Кировабад). При этом внутри НКАО практически отсутствовали асфальтированные дороги. Навигационные службы Степанакертского аэропорта были расположены в Агдаме, а сам аэропорт считался филиалом Евлахского. Система теле- и радиотрансляции располагалась в Шуши, а физический износ линий телефонной связи, крайне низкая степень охвата приема телепередач обрекали Нагорный Карабах на коммуникационную изоляцию. Через Шуши и близлежащие азербайджанские районы регулировались и контролировались также и системы газо-, электро- и водоснабжения. Даже полностью расположенная на территории Мардакертского района Сарсангская ГЭС и водохранилище управлялись из Мир-Башира, где и определялись направления снабжения (почти все уходило вне области).

В азербайджанской экономике НКАО мыслилось исключительно в качестве сырьевого придатка. Какие-либо самостоятельные экономические связи автономии оказывались почти полностью блокированы, и, как отмечалось азербайджанскими экономистами в качестве довода о невозможности

существования НКАО вне Азербайджана, в общеэкономических связях НКАО на долю оборота с соседними Арменией и Грузией приходилось лишь два процента¹.

Отсутствие рабочих мест и крайне низкие заработки обрекали на миграцию не только армянскую интеллигенцию, но и большинство трудоспособного населения – в первую очередь, молодежь. Эта миграция поощрялась и так называемыми кампаниями «профнабора» – молодежь, начиная со школьников 8-го класса, отправляли на учебу в профессионально-технические и фабрично-заводские училища за пределы НКАО, после чего распределяли по новостроящимся промышленным объектам Азербайджана (Сумгаит, Мингечаур и т.д.). При этом молодые кадры обеспечивались постоянной работой и даже жильем, т.е. тем, на что они никак не могли рассчитывать в самом Нагорном Карабахе. И, напротив, в НКАО, если и открывались учебные заведения, то преимущественно с азербайджанским языком обучения, что служило дополнительным фактором привлечения молодежи из близлежащих азербайджанских районов.

В Нагорном Карабахе начиная с середины 1930-х гг. не было ни одной действующей церкви (к 1914г. Арцахская епархия Армянской Апостольской Церкви имела 222 действующие церкви и храмы), в то время как для удовлетворения религиозных нужд нескольких тысяч проживающих в Шуши азербайджанцев свободно действовали мечети. Десятки древних армянских церквей в Карабахе не только не действовали, но даже не ремонтировались и постепенно разрушались [24].

Дискриминационная социально-экономическая политика республиканских властей по отношению к области вела к негативным для сохранения армянской идентичности автономии демографическим тенденциям.

Сравнивая развитие всех восьми автономных областей СССР, можно убедиться, что в семи из них рост населения со времени их образования до 1986г. составил от 60 до 400%, лишь в Нагорном Карабахе он был равен 12%, т.е. 19 тысяч человек, или же ежегодно в среднем 300 человек, что было в 10 раз меньше естественного прироста населения [25].

За пределами НКАО армяне, компактно проживающие в районах АзербСССР, также испытывали дискриминационное отношение в социально-экономической сфере со стороны центральной республиканской власти. Например, только на левобережье реки Куры, вдоль полосы Шемаха-Закатала, было расположено около 90 армянских сел. В АзербСССР на протяжении столетий виноделием в основном занимались армянское население полосы Шемаха-Закатала. Чтобы отобрать монополию на виноделие у армян, по ини-

¹ Газета «Коммунист» (Баку), 11 марта 1988г.

циативе первого секретаря ЦК КП АзербСССР Г.Алиева в Кура-Араксинской долине, где было развито хлопководство, усиленными темпами стали внедрять виноградарство, и в этом процессе были допущены большие приписки и очковтирательство. Одновременно население армянских деревень заставили сдавать урожай винограда на обработку в азербайджанские деревни, находившиеся в 10-15 км. Понятно, насколько отрицательно должен был сказаться этот факт на экономическом состоянии армянских деревень. Стоит также вспомнить, что в годы руководства Г.Алиева была построена первоклассная автострада Шемаха-Закалата, однако трассу проложили так, чтобы армянские села оказались отрезанными от нее [26].

К социально-экономической аргументации в качестве причинной базы возникновения этнополитического нагорно-карабахского конфликта следует относиться с большой долей осторожности, ибо социальные и экономические показатели развития АзербСССР и НКАО на тот период приводятся сторонами конфликта зачастую с диаметрально противоположных интерпретационно-фактологических позиций.

Например, азербайджанская сторона, в своих официальных докладах в международные организации¹, отмечает, что на развитие НКАО в 1975-1985гг. было направлено 483 млн рублей капитальных вложений, что в 2,8 раза превышало сумму капитальных вложений за предшествующее 15-летие. За 20 лет в НКАО почти в 4 раза возрос среднедушевой объем капитальных вложений (в 1981-1985 гг. 226 рублей против 59 рублей в 1961-1965 гг.). В течение предшествовавших конфликту 15 лет ввод в действие жилья на одного человека по АзербСССР в целом составлял 3,64 кв. м, по НКАО – 4,76 кв. м.²

Характерной особенностью социально-культурного развития области являлся опережающий, по сравнению с республиканским, уровень обеспечения населения жильем, товарами и услугами. Каждый житель области имел площадь в жилых домах почти на треть большую, чем среднереспубликан-

¹ См. например, Доклад Азербайджанской Республики в ООН по выполнению ей принятых международно-правовых обязательств в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965г. (Доклады, предоставляемые государствами-участниками в соответствии со статьей 9 Конвенции, CERD/C/440/Add.1, 19 August 2004, сс. 3-5); Доклад Азербайджанской Республики в Совет Европы по выполнению ей принятых международно-правовых обязательств в соответствии с Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств 1995г. (Report Submitted by Azerbaijan Pursuant to Article 25, paragraph 1 of the Framework Convention for the Protection of National Minorities (Russian version), ACFC/SR (2002) 1, 4 June 2002, pp. 13-14).

² Армянские авторы еще в 1988г. отмечали, что «сравнительно большая жилищная площадь на душу населения в НКАО не является результатом особой заботы о благосостоянии ее населения, а наоборот, это результат неблагоприятных социально-экономических и политических условий, вызвавших сильный отток из области армянского населения. Более того, основная тяжесть по вводу в действие жилых домов в НКАО за период 1970-1983 гг. была возложена на плечи местного населения – рабочих, служащих, колхозников и сельскохозяйственной интеллигенции – 61,5%, в то время как в АзербСССР эта доля составляла лишь 42,8%. Надо еще учесть, что большая часть жилплощади, введенной в действие за счет государственных и кооперативных предприятий, была построена в г.Шуши, где преобладающая часть населения – азербайджанцы» (Краткая социально-экономическая справка о НКАО (10 июня 1988г.) // Г. Авакян, Нагорный Карабах: ответ фальсификаторам, Ер., «Айастан», 1991, сс. 23-24).

ский житель, а сельчанин располагал площадью в 1,5 раза больше, чем у крестьянина республики. Лучше было обеспечено население области средним медперсоналом (в 1,3 раза больше), больничными койками (на 3%). Шире была сеть культурно-просветительских учреждений (в 3 раза больше киноустановок и клубных учреждений, в 2 раза – библиотек), в расчете на 100 читателей приходилось в 1,6 раза больше книг и журналов. В школах во вторую и третью смены обучалось 7,7% детей области, тогда как в республике – каждый четвертый, постоянными дошкольными учреждениями было охвачено 37% детей (против 20% по республике).

НКАО развивалась более высокими темпами, нежели АзербСССР в целом. Так, если выпуск промышленной продукции по республике в 1970-1986 гг. вырос в 3 раза, то по НКАО – в 3,3 раза (темпы роста здесь были выше на 8,3 %). В 1986г. по НКАО ввод в действие основных фондов вырос в 3,1 раза по сравнению с 1970г., в то время как по республике – в 2,5 раза. НКАО по основным показателям социального развития превышала среднереспубликанские показатели уровня жизни в АзербСССР.

Как видно, оценки социально-экономической ситуации в НКАО за предшествующий выдвижению требования армян Нагорного Карабаха о присоединении автономии к АрмССР период расходятся.

Социально-экономический срез причинности активизации нагорно-карабахского конфликта во второй половине 1980-х гг. заключался вовсе не в том, что благосостояние армян Нагорного Карабаха было ниже достатка азербайджанского населения региона. Напротив, по ряду социально-экономических параметров армяне региона превосходили своих соседей. Социально-экономические причины конфликта состояли в том, что армяне Нагорного Карабаха стремились к тому, чтобы их благосостояние определялось результатами только их труда. Армяне НКАО знали, что в соседней Армении благосостояние населения выше и были уверены, что более низкий уровень их жизни является намеренным результатом экономической политики властей Азербайджана. На самом деле по отдельным показателям уровень жизни в НКАО был даже выше среднего по республике, однако в целом экономическая ситуация в области была действительно не впечатляющей, особенно в сравнении с уровнем жизни в Армении. Несмотря на то, что экономический фактор имел место в возникшем конфликте, основополагающие требования армян лежали в иной плоскости, не совпадающей с воззрением партийно-государственного руководства СССР [27].

Определяющий вектор недовольства армян автономной области своим социально-экономическим положением заключался не в том, что их социально-экономические права подвергались жесткой дискриминации, ведущей

к ситуации, когда они жили хуже, чем население в других районах АзербССР, а в том, что они видели свое прогрессивное социально-экономическое развитие в рамках другой союзной республики (АрмССР) и соответственно, с их точки зрения, наибольшую защиту, обеспеченность и гарантированность социально-экономические права армян Нагорного Карабаха могли бы получить при условии вхождения автономной области в состав АрмССР.

Некоторые выводы

В ситуации особо сложных этнополитических конфликтов современности, к которым, безусловно, следует отнести нагорно-карабахский конфликт, необходимо исследование и выявление признаков государствообразующих прав конкретного этноса, подвергающегося дискриминации на коллективной основе и ущемлению своих коллективных прав. Тем самым, необходимо выявить те объективные параметры многонациональности конкретного государства, в рамках которого осуществляется дискриминация и нарушение именно коллективных прав одного из государствообразующих этноса. Фундаментальное коллективное право государствообразующего этноса в рамках многонационального государственного образования на самостоятельное определение своего политического будущего тем более подвержено нарушению в ситуации, когда меняется политический статус самого многонационального государственного образования.

Дискриминация и нарушения прав человека могут иметь свое непосредственное выражение на индивидуальном уровне, в отношении конкретного человека, и при этом, конечно, защита нарушаемых прав должна быть обеспечена именно на индивидуальном уровне. Но когда нарушается фундаментальное право государствообразующего этноса на самостоятельное определение собственного политического статуса, то права этноса должны получить коллективную защиту.

Нагорно-карабахский конфликт не являет собой этнополитический конфликт «в чистом виде». Как и в любом другом этнополитическом конфликте современности, в нагорно-карабахском конфликте переплетаются этнические, политические, правовые, социальные, экономические и многие другие линии соперничества. Вместе с тем, отличие нагорно-карабахского этнополитического конфликта от других конфликтов подобного характера состоит в том, что, будучи в своей основе конфликтом двух государствообразующих наций распавшейся союзной республики (АзербССР), нагорно-карабахский конфликт уже на первых этапах своего развертывания в политической действительности второй половины 1980-х годов приобрел четко вы-

раженный этнический характер. Как правило, этнополитические конфликты современности, возникнув на экономической, социально-политической или внеэтнической основе, лишь в последующем приобретали четко выраженный этнический характер. В нагорно-карабахском конфликте изначально этническое противопоставление государствообразующих этносов республики, пришедших к конфликтному противостоянию, было использовано в качестве мощного мобилизационного символа национального движения. Субъектом такого мобилизационного символа стал армянский народ Нагорного Карабаха, который затем превратился в самостоятельный фактор, определяющий существо и динамику этнополитического конфликта.

Одним из направлений дискурса идентификации нагорно-карабахского конфликта, как конфликта этнополитического характера, является выявление признаков, позволяющих интерпретировать данный конфликт в качестве «конфликта ценностей», разворачивающего свой потенциал противостояния вокруг системообразующей оси политико-правового характера: «государствообразующий (дискриминируемый) этнос – государствообразующий (дискриминирующий) этнос».

Главной ценностью, вокруг которой развернулись наиболее ожесточенные элементы конфликтного этнополитического противостояния сторон, стала ценность перспективы развития каждой из сторон конфликта.

Идентифицирующие источники несовместимости интересов противостоящих сторон нагорно-карабахского конфликта, ожесточенности и бескомпромиссности противостоящих субъектов, сохранившиеся вплоть до сегодняшнего дня, следует понимать в контексте интерпретации нагорно-карабахского конфликта как этнополитического «конфликта ценностей».

Нагорно-карабахский конфликт имеет свои особые идентифицирующие признаки, выделяющие его в ряду других этнополитических конфликтов современности. Армяне Нагорного Карабаха должны рассматриваться как «притесняемое меньшинство» в рамках бывшей АзербСССР и как «доминирующее большинство» в рамках Нагорного Карабаха, ибо как «притесняемое меньшинство» они поставили под вопрос политическое право другой государствообразующей нации АзербСССР распространять свои политически властные возможности на армянский народ Нагорного Карабаха, но, в то же время, с учетом присутствия азербайджанского населения в Нагорном Карабахе на момент реанимации конфликта во второй половине 1980-х годов, они стали по отношению к нему «доминирующим большинством», реализовавшим свои государствообразующие потенции в АзербСССР на территории бывшей НКАО.

Нарушения прав армянского народа АзербСССР носили разносторонний политический, конституционно-правовой, социально-экономический харак-

тер. Указанные направления дискриминации армянского народа АзербСССР следует рассматривать в аспекте их системности, без однозначного выделения какого-либо из направлений дискриминации в качестве доминирующего. В то же время, в контексте наиболее существенного с точки зрения нарушений государствообразующих прав армянства Советского Азербайджана направления дискриминации, следует выделить нарушения политических прав лиц армянского происхождения на территории данной союзной республики.

Нарушения государствообразующих прав армянского народа союзной республики проявлялись в политическом аспекте, главным образом, в отлаженной в республиканском масштабе АзербСССР системе «этнического фильтра» при занятии административно-партийных постов. Подобная система приводила к формированию образа дискриминируемого армянского этноса, ущемляемого в своих правах через политические ограничения прав конкретных представителей этноса. Нарушения индивидуальных политических прав армян АзербСССР привело к артикуляции коллективного права армянского народа Нагорного Карабаха по выходу из состава республики, в рамках которой происходит индивидуальная и коллективная дискриминация этноса.

Февраль, 2008г.

Источники и литература

1. *Э.А. Паин, А.А. Попов.* Межнациональные конфликты в СССР // «Советская этнография», М., 1990, № 1.
2. *Smith, Anthony D.* Myths and memories of the Nation. Oxford.: Oxford University Press. 1999.
3. *А.Г. Здравомыслов.* Социология конфликта, М., «Аспект Пресс», 1996.
4. *А.Х. Нерсисян.* Типология этнополитических конфликтов // «Ломоносовские чтения. Аспиранты», Том № 1, 2003, (электронная библиотека социологического факультета МГУ).
5. *Ариф Алиев,* Старая песня о главном // Карабахский конфликт: понять друг друга (А. Алиев, С. Григорян, Р. Мусабеков, Б. Навасардян), Ер., «Вэлас Принт», 2006.
6. *Г. Мирский,* Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // «Мировая экономика и международные отношения», М., 1997, № 2.
7. *Общая и прикладная политология: Учебное пособие* (под общей ред. В.И. Жукова, Б.И. Краснова), М., «Союз», 1997.
8. *Offe Claus.* Political Liberalism, Group Rights and the Politics of Fear and Trust // Studies in East European Thought. 2001. Vol. 53.
9. *Black D.* Social Control as Dependent Variable // Toward a General Theory of Social Control. (Ed. by Black D.). L.: Academic Press. 1984. Vol. 2.

10. А.В. Дмитриев, Этнический конфликт: теория и практика, М., «МНУЦ», 1998.
11. Г.С. Денисова, М.Р. Радовель, Этносоциология: Учеб. Пособие, Ростов-н/Д., «ЦВВР», 2000.
12. Foster, Charles R. Political Culture and Regional Ethnic Minorities // «The Journal of Politics» (Southern Political Science Association, Georgia Southern University, US). May 1982. Vol. 44. No. 2; Foster, Charles R. Nations without a State: Ethnic Minorities in Western Europe // «International Migration Review» (Center for Migration Studies of New York). Autumn 1982. Vol. 16. No. 3.
13. Г.И. Грибанова, Роль этнических конфликтов в трансформации политических режимов на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы современного политического процесса: Материалы международной научной конференции (отв. ред. Б.А. Исаев), Ч. 1, С-Пб., «БГТУ», 2007, с. 11.
14. Этнический конфликт: теория, экспертиза, пути решения // Сборник «Школа миротворческих инициатив» (сост. М.А. Юндина, В.А. Авксентьев, С.А. Рубашкина, А.В. Зотова), Ставрополь, «Северо-Кавказский Ресурсный Центр», 2001.
15. Грайр Бальян, Нагорный Карабах и национальные конфликты в Союзе в свете прав человека, Ер., «Микаэл Варандеан», 1991.
16. В.Б. Арутюнян, События в Нагорном Карабахе: Хроника (отв. ред. К.С. Худавердян), Ч. 1, Ер., «АН АрмССР», 1990.
17. Gellner E. Nationalism in Vacuum // Thinking Theoretically About Soviet Nationalities: History and Comparison in the Study of the USSR (Ed. A.J. Motyl). New York: Columbia University Press. 1992.
18. А.С. Манасян, Карабахский конфликт: ключевые понятия и хроника, Ер., «НОФ Нораванк», 2005.
19. С. Золян, Нагорный Карабах: проблема и конфликт, Ер., «Лингва», 2001.
20. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 28.
21. Г.Н. Андреева, Конституционное право зарубежных стран: Учебник, М., «Эксмо», 2005.
22. В.Г. Смолянский, Национальные конфликты в СССР и СНГ (1985-1992гг.), Улан-Удэ, «БНЦ СО РАН», 1996.
23. А.Н. Ямсков, Межнациональные конфликты Закавказья: предпосылки возникновения и тенденции развития // «Полис», 1991, № 2.
24. Нагорно-Карабахская Республика: история и современность (под ред. В. Агаджаняна), Степанакерт, «ФОПИ», 1998.
25. Справочник «Годы труда и побед», М., «Политиздат», 1987.
26. Г. Авакян, Нагорный Карабах: ответ фальсификаторам, Ер., «Айастан», 1991.
27. К.Б. Барбарян, Источники возникновения этнополитических конфликтов в Закавказье: диссертация канд. полит. наук // Московский гуманитарный университет, Москва, 2007.

ETHNOPOLITICAL IDENTIFICATION AND THE CAUSES OF NAGORNO KARABAKH CONFLICT

Mikhail Aghadjanyan

Resume

The very specificity of Nagorno-Karabakh conflict, which is the mixture of political, legal, social-economic reasons of ethnopolitical confrontation of the states, which, in their turn have mass and rude violation of human rights as a fundamental basis, has brought to the present situation of unsettlement conflict and vagueness of its perspective for its future settlement.

It is revealed that at present one of the basic obstacles of the parties in conflict in their joint efforts to come to any terms in basic principles of the conflict settlement is the humanitarian issue of Nagorni-Karabakh problems. The matter concerns the disability of the countries to make any serious decision on the refugees' and internally displaced people's return to their pre-conflict place of inhabitation.

Some consequential importance is attributed to the principle of human right protection on the present stage of conflict settlement which is concentrated around superficial approach to overcoming the conflict after-effects, without taking into consideration the most fundamental reasons of ethnopolitical confrontation over Nagorno Karabakh. Mass and gross derangements of the state forming ethnos on the territory of the former Soviet Azerbaijan, which have up till now made the basis of setting up and maintaining the claim of the Armenian population on Nagorni Karabakh about impossibility of their being under political-legal influence of Azerbaijan's state authority in any format, should be ascribed to the latter ones. Such a comprehension of the matter, causative basis of conflict to be risen, its transformation in the certain stage of armed confrontation and remaining unsettled for one and a half years may contribute to balancing the efforts of the parties over overcoming the humanitarian after-effects of the confrontation and mutually acceptable decision making.

The conflict subjects and intermediary institutions should pay as much attention to the issue of overcoming the conflict's humanitarian consequences with respect to the Armenian refugees of Soviet Azerbaijan as to the Azerbaijani refugees and the displaced persons from the zone of Nagorno-Karabakh conflict.